

3 12 4
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КИНЧАРОВА Анастасия Владимировна

**Социальная мобильность населения Самарской области в период
постсоветской трансформации: деятельностный подход**

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и
процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Санкт-Петербург – 2005

Работа выполнена на кафедре социологии и политологии Самарского государственного университета

Научный руководитель: кандидат социологических наук,
доцент Готлиб Анна Семеновна

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Резаев Андрей Владимирович

кандидат социологических наук,
Танова Анна Гераклитовна

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет

Защита состоится «___» июня 2005 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 193060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, факультет социологии, аудитория ____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 7/9).

Автореферат разослан «___» мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Соколов Н. В.

2006-4
7671

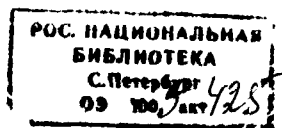
1 2150778

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Значимость социологического анализа социальной мобильности применительно к любому обществу обусловлена тем, что в его фокусе находятся процессы изменения социальной структуры, как конфигурации и взаимосвязи социальных групп в социальном пространстве, и таким образом, такой анализ непосредственно связан с предметом социологии.

Применительно к трансформирующемуся обществу, каковым является постсоветская Россия, исследование социальной мобильности приобретает дополнительную значимость, поскольку процессы трансформации социальной структуры в таком обществе накладываются на социальные трансформации, и, вследствие этого, приобретают особый масштаб и качество. Процессы трансформации социальной структуры российского общества в течение 1990-х – начале 2000-х годов выразились в резком изменении социальных позиций большинства индивидов и социальных групп. Исследования социальной мобильности, проведенные в постсоветский период в России, зафиксировали наличие массовой нисходящей мобильности целых социальных групп, а также подъем других групп на более высокие, чем ранее, «ступени» социальной лестницы. Помимо изменения социальных позиций групп, существовавших ранее, возникли новые (со своими особенными социальными позициями), рожденные специфическими условиями российского общества в указанный период (например, предпринимательство). Одним из выводов исследований также стал вывод о таком следствии процессов социальной дифференциации в постсоветской России, как весьма резкая поляризация общества.

Теоретико-методологической базой этих исследований была стратификационная модель социальной структуры, причем в качестве ее важнейшего измерения рассматривалось экономическое, соответственно, уровень материального благосостояния выступал в качестве основного критерия определения социальной позиции индивидов и социальных групп. В то же время эффективность применения только методологии структурного функционализма и в ее рамках стратификационной модели социальной структуры к исследованию социальной мобильности в постсоветской России представляется небесспорной, поскольку социально-исторический и научный контекст, в котором возникла и к которому «привязана» данная теоретическая модель (стабильное общество с очевидной, единственной и общепризнанной моделью социальной иерархии), весьма отличается от такового в трансформирующейся России постсоветского периода, состояние социальной структуры и общества в целом которой В. А. Ядов охарактери-

зовал как состояние «динамического хаоса» (термин И. Пригожина)¹. Социальная мобильность как изменение позиции индивида или группы в социальном пространстве является в значительной степени проекцией процессов социетальных трансформаций на процессы жизни и деятельности отдельных индивидов и социальных групп, поэтому невозможно не принимать во внимание специфику социального контекста при исследовании этого феномена.

Кроме того, исследования, основанные на стратификационной модели социальной структуры, отражают социальную мобильность только как результат перемещения отдельных групп в социальном пространстве, но оставляют без внимания ее процессуальные характеристики.

Как следствие – классический структурно-функциональный подход к исследованию социальной мобильности нуждается в дополнении исследованием ее в рамках деятельностного подхода – в терминах отдельных практик, осуществляемых индивидами, стратегий как комплексов практик, а также результатов реализации этих практик и стратегий.

Исследование социальной мобильности как деятельности призвано показать, как, в каких формах совершаются перемещения, каковы мотивы и цели мобильных акторов, принадлежащих к различным социальным группам, т. е. что стоит за теми результатами социальной мобильности, которые демонстрируются многочисленными исследованиями, выполненными в рамках стратификационной теории.

Это, в свою очередь, имеет большое значение для понимания особенностей протекания процесса трансформации социальной структуры в России постсоветского периода и, следовательно, выработки обоснованной дифференцированной социальной политики, направленной на повышение адаптационного потенциала различных социальных групп в условиях трансформирующегося общества.

Степень научной разработанности проблемы. Отдельные аспекты явления социальной мобильности начали рассматриваться социальными теоретиками еще в XIX в., – в частности, Дж. С. Миллем, Дж. Е. Кернзом, А. Маршаллом, К. Марксом. Однако исследования социальной мобильности как отдельного социального явления берут свое начало в США, где П. Сорокиным в 1927 г. в работе «Социальная мобильность, ее формы и флуктуации» впервые была изложена целостная теоретическая концепция данного явления.

В середине XX в. в США сформировалась мощная традиция эмпирических исследований социальной мобильности, методологической базой которой был структурный функционализм и теория социальной стратификация. Данная традиция представлена именами С. Липсета, Р. Бендикса, Г. Зеттерберга (в частности, их совместной работой «Социальная мобиль-

¹ Ядов В. А. А все же о России понять можно // Россия: трансформирующееся общество /Под ред. В. А. Ядова – М: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. – С. 12.

ность в индустриальном обществе» 1967 г.), П. Блау, О. Данкена (их работой «Профессиональная структура Америки» 1967 г. и), Ф. Физермана, Р. Хаузера и др. Эти социологи проделали огромную работу по разработке и «шлифовке» методик количественного анализа социальной мобильности, уточнению ее концепции, а также ими были реализованы масштабные национальные и международные исследования, на основе данных которых были сформулированы теоретические модели социальной мобильности в индустриальных обществах.

Эта традиция исследований была развита также в Великобритании, где ее представляют такие исследователи социальной стратификации и мобильности, как Д. Гласс, Дж. Голдторп («Социальная мобильность и классовая структура Великобритании», 1987 г. и другие работы), Р. Эрикссон (совместная с Дж. Голдторпом работа «Постоянное течение», 1992 г. и др.), Э. Хит («Социальная мобильность», 1982 г.), Дж. Эванс и др.

Вплотную к данной традиции исследования социальной мобильности примыкают исследования социальной структуры и стратификации, поскольку определенный взгляд на социальную структуру непосредственно определяет форму анализа социальной мобильности. Исследования социальной стратификации в рамках американской традиции представлены такими именами, как К. Девис и У. Мур, Л. Уорнер, Б. Барбер, также П. Сорокин, П. Блау и О. Данкен.

Наряду с исследованиями собственно социальной мобильности, в западной социологии в последние десятилетия XX века (начиная с 70-х годов) получили распространения исследования (теоретические и эмпирические) социального воспроизводства (П. Бурдьё, Ж. Пассрон, Д. Берто и др.), основной пафос которых заключался в утверждении, что институциональная структура (в частности, образование, собственность) общества «работает» на сохранение, а не изменение социальной позиции отдельного индивида и семьи – то есть социальной структуры в целом, и, таким образом, то, что называется социальной мобильностью, – «повышение» или «понижение» социальной позиции, является, скорее, исключением, нежели правилом.

Д. Берто и его последователи рассматривают социальную мобильность в русле качественной методологии в рамках анализа индивидуальных биографий.

В нашей стране биографическое направление исследования социальной мобильности развивают В. Семенова, Е. Фотеева, В. Бигуаа, М. Малышева, О. Литвиненко, В. Журавлев, М. Мешеркина, Е. Долгих – коллектив ученых, работавших в совместном с Д. Берто проекте «Век социальной мобильности в России»; также в данном направлении работают Е. Здравомыслова, Ю. Чуйкина, Н. Козлова.

Исследование социальной мобильности в СССР было связано с такими именами, как М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов (их совместная работа –

«Социальные перемещения» 1970 г.), Н. А. Аитов («Социальные перемещения в СССР», 1974 г.), и основывалось на понятии «слой», введенном О. И. Шкартаном и В. О. Рукавишниковым.

В рамках «классической» традиции исследования социальной мобильности уже в постсоветский период осуществлялись Л. А. Беляевой («Социальная стратификация и средний класс в России» 2001 г.), Е. М. Авраамовой («Социальная мобильность в условиях российского кризиса» 1999 г.) и др.

Теоретико-методологические основы исследования включают в себя деятельностные концепции общества П. Бурдьё, П. Штомпки, Э. Гидденса, А. Турена, объясняющие взаимоотношения индивида и структуры через категорию практики, данный подход в России развивает В. А. Ядов, на Украине – О. Куценко.

Важным пунктом исследования является использование категории «деятельность», которая была ключевым концептом и исследовалась в работах К. Маркса, а также советских психологов – С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова и последователей, развивавших их идеи (в частности, Н. Ф. Талызиной, Р. Х. Шакуровым и др.).

Категория «социальное действие», которая также включена в теоретическую схему работы, анализировалась М. Вебером, Т. Парсонсом.

Анализ содержания понятия и структуры «стратегий» осуществлялся такими учеными, как Г. Кроу, У. Уотсон, Ю. М. Резник, Л. Г. Костюченко, Е. А. Смирнов, К. А. Абульханова-Славская, О. С. Васильева и Е. А. Демченко, Е. Л. Омельченко, И. П. Попова и Н. Н. Седова.

Кроме того, концепция социальной мобильности как поведения С. А. Макеева и концепция стратегий социального воспроизводства П. Бурдьё легли в основу сформированного в работе представления о стратегиях социальной мобильности.

Объектом исследования является население Самарской области в целом – в рамках оценок количественных параметров социальной мобильности в Самарской области в период постсоветской трансформации (1992 – 2003 гг.) и одна из групп, выделяемая в общей структуре населения Самарской области – бывшие советские инженеры – выпускники технических ВУЗов конца 70-х – начала 80-х гг. – в рамках качественного исследования стратегий социальной мобильности в тот же период.

Предмет исследования – социальная мобильность как деятельность индивидов по перемещению в социальном пространстве постсоветского трансформирующегося общества.

Цель исследования – анализ социальной мобильности в трансформирующемся российском обществе постсоветского периода на основе понимания социальной мобильности как деятельности

Задачи исследования.

- анализ основных методологических подходов к исследованию социальной мобильности, представленных в современной социологии;
- теоретическое обоснование использования концепта «стратегия» как комплексной характеристики деятельности для анализа социальной мобильности;
- анализ характера трансформации постсоветского российского общества как пространства социальной мобильности;
- количественный анализ социальной мобильности населения Самарской области как макрохарактеристики региона в контексте рассмотрения уровней и направлений социальной мобильности;
- качественный анализ и создание классификации стратегий социальной мобильности выпускников технических ВУЗов конца 70-х – начала 80-х гг. XX века (бывших советских инженеров) в социальном пространстве трансформирующегося российского общества.

Основная гипотеза исследования. Социальная мобильность как деятельность индивидов по перемещению в социальном пространстве трансформирующегося российского общества постсоветского периода может быть представлена в виде набора целостных стратегий; каждая стратегия при этом реализуется как система практик, осуществляемых специфическим образом и ориентированных на достижение специфической цели.

Методика исследования включает использование полностью формализованного интервью для получения данных об уровнях и направлениях социальной мобильности населения Самарской области. Эти данные анализируются с помощью методов социальной статистики.

Для получения информации о стратегиях социальной мобильности бывших советских инженеров было использовано качественное полуструктурированное интервью биографического характера с элементами нарратива. Транскрипты данных интервью подвергались анализу методом аналитической индукции.

Эмпирическая база исследования состоит из:

- данных, полученных в ходе исследования «Динамика социально-экономической адаптации населения Самарской области к современным условиям», выполненного коллективом социологов Самарского государственного университета под руководством А. С. Готлиб по заказу администрации Самарской области в 2003 г.; данные были собраны с использованием метода формализованного интервью, объем выборочной совокупности составил 1200 чел.
- транскриптов 10-ти качественных полуструктурированных интервью биографического характера с элементами нарратива, полученных автором в соответствии с реализацией задач исследования

по конструированию классификации видов стратегий социальной мобильности, полученных у выпускников одного года (1979-го) одного из факультетов Куйбышевского политехнического института.

- транскриптов 5-ти качественных полуструктуризованных интервью, направленных на исследование профессиональной мобильности населения Самарской области, полученных в ходе реализации исследования «Динамика социально-экономической адаптации населения Самарской области к современным условиям».

Научная новизна данного исследования заключается в следующем:

- проведен теоретико-методологический анализ существующих в социологии подходов к исследованию социальной мобильности и раскрыты эвристические возможности деятельностного подхода как наиболее релевантного для анализа процессов в трансформирующемся обществе;
- проанализированы теоретические подходы к интерпретации понятия «стратегия» как категории социального анализа и на этой базе обосновано использование понятия «стратегия» для изучения социальной мобильности в рамках деятельностного подхода;
- обосновано использование такого параметра, как изменение субъективного восприятия степени индивидуальной свободы в качестве индикатора направленности вектора социальной мобильности;
- определены уровни социальной мобильности (как масштабы использования практик социальной мобильности: смены места работы; совместительства; открытия собственного дела; получения образования по новой профессии; смены профессии) населения Самарской области в период 1992 – 2003 гг.
- выделены и описаны виды стратегий социальной мобильности бывших советских инженеров в социальном пространстве трансформирующегося российского общества.

Положения, выносимые на защиту:

1 В настоящее время существует два методологических подхода к анализу социальной мобильности: системный и биографический. Однако ни один из них не в состоянии описать данное явление во всей его полноте: как на уровне системы (общества в целом), так и на индивидуальном уровне. Если системный подход оказывается «слишком абстрактным», оторванным от реальности человеческой жизни, то биографический подход, напротив, не «поднимается» до достаточно высокого уровня обобщения при формулировании выводов, а ограничивается описанием опыта мобильности отдельных индивидов и семей.

2 Решить задачу объяснения связи социальной мобильности как социального действия индивидов и социальной мобильности как параметра, характеризующего функционирование социальных структур, возможно с по-

мощью деятельностного подхода, через введение категорий деятельности и практики в социологический анализ, понимание социального субъекта как актора (агента) – активного социального деятеля, и рассмотрение структурных условий действия как его «рамок».

3. Для анализа социальных процессов как деятельности акторов, осуществляемой ими в определенных структурных условиях, и своей деятельностью формирующих эти условия, наиболее подходящим автору представляется понятие стратегии, понимаемой согласно П. Бурдьё – как «своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью»², при этом стратегия связывает цель деятельности (осознаваемую или неосознаваемую) со средствами, которыми обладает актор и структурными условиями, в которых он действует. Стратегия проявляется как в установках, так и в наблюдаемом поведении акторов, их поступках, решениях, выборах (для обозначения целостного комплекса характеристик сознания и образцов действия, свойственных конкретному индивиду или социальной группе, у П. Бурдьё используется понятие габитуса). Стратегия содержит как осознаваемые, так и неосознаваемые элементы.

4. Эмпирическое исследование социальной мобильности на макроуровне в современной России в рамках традиционного стратификационного подхода представляет собой значительную методологическую трудность, поскольку предполагает наличие более или менее объективных критериев выделения конкретных социальных позиций, которые бы соответствовали важнейшим для данного общества параметрам социальной стратификации. В силу трансформационного характера постсоветского российского общества определение важнейших параметров стратификации и соответствующих объективных критериев выделения социальной позиции затруднено. В этой ситуации в качестве индикатора направления изменения социальной позиции может выступать изменение степени свободы человека согласно его субъективному восприятию. Степень свободы интерпретируется как мера объема «возможности субъекта выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности»³.

5. Общий уровень социальной мобильности и уровни социальной мобильности в группах по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта, в котором проживает респондент и объему возможностей удовлетворения потребностей, обеспечиваемом респонденту его доходами, определяются – в соответствии с принципами деятельностного подхода – как уровни реализации практик социальной мобильности (смены места работы; совместительства; открытия собственного дела; получения образо-

² Шматко Н. Введение в социоанализ П. Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики М : Socio-Logos, 1993. С.12.

³ Шабанова М. А. Социальная стратификация и свобода // «Социологический журнал». 1997 № 4 <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/4shaban.htm>

вания по новой профессии; смены профессии), осуществление которых выступает формой и средством изменения социальной позиции в целом.

6. Применение этих практик населением Самарской области в 1992 – 2003 гг. носило волновой характер, связанный с изменениями социально-экономических условий, однако в целом можно определить как тенденцию возрастание доли мобильных (в той или иной форме) индивидов. Уровень социальной мобильности за весь рассматриваемый период в целом весьма высок – 93,2 %, в то же время в группах по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта, в котором проживает респондент и объему возможностей удовлетворения потребностей, обеспечиваемом респонденту его доходами, он весьма различается.

7. Сегодня при высоком уровне социальной мобильности (точнее, реализации практик социальной мобильности) населения Самарской области преобладает «сокращение» степени свободы людей по сравнению с советским периодом, т. е. нисходящее направление социальной мобильности.

8. Выделена и описана классификация видов стратегий социальной мобильности социальной группы бывших советских инженеров. Стратегии получили названия 1) «активистской», 2) «достижительной» и 3) «стабилизационной», их содержательные характеристики состоят: 1) в ориентации (которую в данном случае следует понимать как целостный комплекс характеристик сознания и образцов социального действия, выражающий определенную направленность актора) на действие, активность, новаторство, освоение новых социальных позиций, новых образцов действия и т. д. – мобильность как освоение нового; 2) в ориентации на достижение «высоких» социальных позиций через эффективное использование «устоявшихся», «надежных» социальных «лестниц» – мобильность как постепенный «подъем наверх»; 3) в ориентации на достижение некой устойчивой социальной позиции, на отсутствие негативных изменений, а не на осуществление желательных изменений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в качестве информационной базы при выработке и реализации направлений социальной политики, способствующих успешной социально-экономической адаптации различных социальных групп в условиях трансформирующегося общества.

Значимость исследования также определяется теми возможностями, которые открывают его результаты для дальнейшего исследования социальной мобильности в рамках деятельностного подхода. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по социологии социальной структуры и социальной мобильности.

Апробация работы.

По результатам исследования автором опубликованы статьи и тезисы (всего 5 научных работ общим объемом 2 п. л.) Материалы диссертацион-

ной работы докладывались на всероссийских и международных конференциях: II Всероссийский социологический конгресс (Москва 2003), Международная научно-практическая конференция «Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее» (Самара, 2004), Всероссийская научная конференция «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук» (Самара, 2004 г.).

Структура работы включает введение, три главы (первая глава включает три параграфа, вторая глава включает два параграфа, третья глава включает три параграфа), заключение, список использованной литературы и приложение.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень разработанности проблемы, излагаются теоретико-методологические основания работы, формулируются цель и задачи исследования, его основная гипотеза, определяются методы исследования, указывается его эмпирическая база, излагаются положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна и практическая значимость результатов исследования, а также приводятся данные об апробации результатов работы.

В первой главе **«Социальная мобильность как предмет социологического анализа»**, состоящей из трех параграфов, анализируются теоретическая концепция социальной мобильности и методологические подходы к исследованию данного феномена.

В первом параграфе **«Теоретическая концепция социальной мобильности»** явление социальной мобильности рассматривается с точки зрения его структуры и характеристик. Под социальной мобильностью понимается «явление перемещения индивида внутри социального пространства»⁴. П. Сорокин различает вертикальный и горизонтальный типы социальной мобильности. Вертикальная мобильность может осуществляться в двух направлениях: «социальный подъем» и «социальный спуск». Оба типа вертикальной социальной мобильности существуют в двух формах: индивидуальной и групповой. Кроме того, П. Сорокин выделяет добровольную социальную мобильность и мобильность, вызванную структурными изменениями в обществах.

В качестве количественных характеристик социальной мобильности в конкретном обществе П. Сорокин выделяет «интенсивность» (или скорость) и «всеобщность». Соединив эти показатели, Сорокин получает совокупный показатель вертикальной мобильности в данном обществе; с его помощью можно сравнить два общества (или одно, но в разные периоды времени) с целью выяснения более высоких и более низких уровней мобильности. В зависимости от его величины, определяемого для конкретно-

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

го общества, можно сделать вывод, является данное общество (точнее, его социальная структура) «открытым» или «закрытым»: общество, тип стратификации которого может быть определен как открытый, – то, где вертикальная мобильность интенсивна и носит всеобщий характер. Противоположный тип – «закрытый» – характерен для обществ, где «перегородки» между слоями малопроницаемы.

В дальнейшем необходимость выделения в общем показателе социальной мобильности долей структурной и индивидуальной мобильности привела к введению Дж. Голдторпом понятия «социальная текучесть», которая понимается как доля шансов на занятие определенной социальной позиции. Доля шансов отражает неравенство между людьми, происходящими из разных классов, в вероятности занятия наиболее желательных социальных позиций, а это, в свою очередь, определяет степень «открытости» общества.

Во втором параграфе – «Системный подход к исследованию социальной мобильности» – излагается сущность «классического» методологического подхода к исследованию социальной мобильности. В рамках системного подхода общество понимается как система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство. Системная методология описывает и объясняет общество как статичный объект. Социальные изменения понимаются ею как различия, имеющие место между состояниями одной и той же системы, возникающими одно за другим во времени. Социальная мобильность здесь – это линейное изменение одного из параметров системы (состояния социальной структуры/стратификации).

«Классические» вопросы, которые ставили и ставят перед собой исследователи, работающим в данной традиции, можно обозначить следующим образом:

- каков характер мобильности – насколько велики в целом масштабы изменений индивидами классовых позиций; как далеко от исходного класса перемещаются индивиды;
- преобладает в обществе восходящая или нисходящая мобильность;

Основная информация, получаемая в результате массовых опросов, на основании которой делаются выводы о социальной мобильности – о том, к какому социальному классу принадлежал индивид в начале своей карьеры или принадлежал его отец, и к какому классу принадлежит индивид в данный момент. Сравнение этих параметров является основанием для выводов о масштабах и качестве мобильности в обществе.

Системные исследования обладали рядом недостатков, наиболее значимыми из которых были: 1) слабая обоснованность моделей социальной стратификации, на которых базировалось исследование социальной мобильности; 2) недостаточная обоснованность явлений и процессов, рас-

смаатриваемых как структурные факторы социальной мобильности, в качестве таковых; 3) рассмотрение мобильности только как вертикальных перемещений; 4) несоотнесенность исследований разных видов социальной мобильности; 5) нестандартизированность измерительных процедур, приводящая к несравнимости результатов исследования социальной мобильности в разных социальных общностях; 6) недостаточная обоснованность интерпретации показателей мобильности как индикаторов открытости/закрытости общества; 7) интерпретация перемещений между социальными позициями разных видов как единого феномена; 8) понимание социальной мобильности как простой разницы между двумя позициями без рассмотрения качественных особенностей процессов перемещения; 9) игнорирование субъективного опыта мобильного индивида.

Третий параграф первой главы **«Биографический подход к исследованию социальной мобильности»** содержит анализ методологического подхода к исследованию социальной мобильности, альтернативного системному. Биографический подход к исследованию социальной мобильности возник в 70-х гг. XX в. в силу осознания социологами недостатков системного подхода и был призван их компенсировать. Он базируется на принципиально иных, нежели системный подход, методологических основаниях, а именно – лежит в рамках качественной парадигмы в социологии. В общем случае биографический метод используется для получения информации об индивидуальном социальном опыте и ценен именно в этом качестве, поскольку дает информацию о том, как социальные процессы проявляются и проживаются людьми в их повседневной жизни.

Д. Берто (один из наиболее ярких представителей подхода) и последователи определяют в качестве своего предмета в большей степени не социальную мобильность, а, напротив, трансмиссию социального статуса – социальное воспроизводство, которое изучается через исследование истории семьи, и, в рамках истории семьи, социальных траекторий индивидов. Исследователи, принадлежащие к данной традиции, показывают, что история семьи дает материал не только о семье, но и о различных социальных процессах, в которые она включена.

Сравнение двух выделенных методологических подходов к исследованию социальной мобильности – системного и биографического – показало: если системный подход полностью «привязан» к макроуровню рассмотрения социальных процессов, и в силу этого весьма абстрактен, оторван от «живой реальности» конкретных индивидов и их практик, то биографический подход, напротив, полностью «привязан» к микроуровню анализа и не способен подняться выше уровня анализа биографий отдельных индивидов и семей. Таким образом, между макро- и микро- уровнями анализа социальной мобильности, осуществимого в рамках соответственно системного и биографического подходов, обозначается разрыв, отсутствие теоретико-методологической связи. Это обусловило необходимость оты-

скания такого методологического подхода, который позволил бы «связать» эти уровни, и в его рамках – эффективного теоретико-методологического инструмента исследования социальной мобильности.

Глава вторая **«Теоретико-методологические основания исследования социальной мобильности в рамках деятельностного подхода»** содержит анализ деятельностного подхода к исследованию социальных процессов и – в его рамках – понятия стратегии как инструмента социологического анализа социальной мобильности как деятельности.

В рамках деятельностного подхода, представленного теориями П. Бурдьё, Э. Гидденса, А. Турена, М. Арчер, П. Штомпки, общество рассматривается не как «жесткий» статичный объект, а как «мягкое», подвижное, постоянно изменяющееся поле социальных взаимодействий социальных субъектов, постоянно длящийся, бесконечный поток событий. «Событие» – любое моментальное состояние социального поля, где проявляются социальные отношения между субъектами. Общество, социальная группа, социальный институт существуют постольку и до тех пор, пока в них имеют место события, процессы, изменения, действия.

«Двигателями» социального процесса в рамках данного подхода становятся люди, причем индивид здесь рассматривается как актор (или агент), то есть не пассивный объект воздействия, послушный элемент социальной системы или полностью автономный субъект, а деятель, ограниченный в своей деятельности конкретным социальным контекстом. Деятельность в рамках данного подхода полагается основанием существования общества.

Согласно П. Бурдьё, одной из характеристик актора является габитус – «система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированная структура, предрасположенная функционировать как структурирующая структура, т. е. как принцип, порождающий и организующий практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непременное овладение необходимыми операциями по ее достижению»⁵, единый принцип мысли и действия, свойственный данному индивиду и неразрывно связанный с его социальной позицией.

Помимо габитуса субъект характеризуется его местом в структуре социального неравенства, которое представители деятельностного подхода предлагают определять исходя из объема ресурсов, которым обладает индивид, и специфической комбинации их типов.

Важнейшим теоретическим достоинством деятельностного подхода является «связывание» им микро- (уровня отдельных акторов) и макроуровня (уровня структур) анализа социальной реальности с помощью введения категорий деятельности и практики – как «места встречи» индивида и струк-

⁵ Бурдьё П. Практический смысл. – http://bourdieu.narod.ru/sens/PB_sens3.htm

туры. При этом деятельность рассматривается как «раскрывающаяся» в практике, которая являет собой эмпирически фиксируемый феномен.

Во втором параграфе второй главы – «Концепт «стратегия» как инструмент исследования социальной мобильности в рамках деятельностного подхода» – осуществляется анализ содержания указанного концепта, рассматриваемого как теоретико-методологический инструмент исследования социальной мобильности. В психологических интерпретациях понятия «стратегия», авторами которых являются Ю. М. Резник с соавторами, К. А. Абульханова-Славская, О. С. Васильева и Е. А. Демченко, акцентируются субъективные аспекты стратегии – особенно цели и ценности, при этом речь идет о стратегиях индивидуальных.

Социологические трактовки понятия стратегии, которые дают Е. Л. Омельченко, И. П. Попова и Седова, Е. С. Балабанова, Б. Карлоф подчеркивают целенаправленный характер стратегии; активную роль индивида, совершающего стратегию; ресурсы для осуществления стратегии, которыми он располагает; институциональные условия, в которых эти ресурсы задействуются для достижения целей.

Вопрос о рациональности/не-рациональности стратегий должен решаться в пользу признания наличия в стратегии по крайней мере некоторой доли не-рациональных элементов: по П. Бурдьё, «габитус... производит стратегии, которые оказываются объективно подогнанными к ситуации, несмотря на то, что не являются ни продуктом сознательного устремления к целям, явным образом основанным на адекватном знании объективных условий, ни продуктом механической детерминации какими-то причинами. Действие, движимое «чувством игры», имеет все проявления рационального действия... И тем не менее, не разум лежит в его основании... На практике для рационального расчета почти никогда не бывает условий: время ограничено, информация неполная и т. д.»⁶.

Исследование социальной мобильности в терминах стратегии наиболее продуктивно на основе «практической» методологии П. Бурдьё, который вводит понятие стратегии в свой анализ, чтобы обозначить специфику действия агента, наряду с понятиями габитуса и практического чувства. Стратегии порождаются габитусом, который стремится воспроизводить себя в меняющихся социальных условиях. Поэтому стратегии, о которых говорит П. Бурдьё – это стратегии социального воспроизводства, то есть воспроизводства структуры социального пространства и позиций агентов в нем. Постоянное изменение социальных условий приводят к тому, что индивиды и семьи оказываются вынуждены постоянно предпринимать определенные действия для сохранения (или улучшения) своей социальной позиции, осуществлять репродуктивные стратегии – набор практик, посредст-

⁶ Бурдьё П. Fieldwork in philosophy – http://bourdieu.narod.ru/choses_dites/PBchoses_dites11.htm

вом которых индивиды или семьи осознанно или бессознательно поддерживают или увеличивают свои капиталы, и, следовательно, поддерживают или улучшают свои позиции в социальной структуре. Стратегии конкретного индивида или семьи представляют собой целостный комплекс. Как и применительно к габитусу, Бурдьё объясняет свое понимание «происхождения» стратегий через аналогию с игрой, используя понятие практического чувства: стратегия – продукт практического чувства, чувства социальной игры, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности.

В главе третьей **«Опыт исследования социальной мобильности населения Самарской области»** представлены результаты эмпирического исследования социальной мобильности населения Самарской области в период 1991-2003 гг. на двух указанных уровнях: а) на макроуровне – как совокупности социетальных показателей; б) на микроуровне – как деятельности индивидов. При этом практика (конкретные практики), «появляясь» на обоих уровнях, являются осью социологического анализа.

Первый параграф третьей главы носит название **«Методологические основания исследования социальной мобильности в трансформирующейся России»**. В нем рассматривается специфика социального контекста мобильности в России в указанный период.

Анализ характера трансформации постсоветского российского общества как пространства социальной мобильности показал, что, с одной стороны, по некоторым параметрам она сходна с трансформацией, переживаемой сегодня западным обществом, а именно – это трансформация, в ходе которой происходит распад традиционной для общества модерна системы «социальных координат» (четко определенной, всеми признаваемой иерархически организованной социальной структуры), разрушение основных идентичностей, которые отражены, в частности, в теории социальной стратификации П. Сорокина (профессия, экономический статус, политическая власть, принадлежность к религии и т. д.). Эти идентичности перестают быть определяющими при самоидентификации и идентификации человека другими. Состояние, к которому переходит западное общество, Ж.-Ф. Лиотаром было названо «состоянием постмодерна», суть его в «разрыве социальной связи и переходе социальных групп в состояние некой массы, состоящей из индивидуальных атомов»⁷. С другой стороны, на трансформационные процессы указанного типа в России в рассматриваемый в нашем исследовании период накладываются процессы специфически российской трансформации, характер которых В. А. Ядовым был обозначен как «высокоактивная стадия социальных трансформаций, когда нестабильность социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса» (по И.

⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна – СПб «Алетейя», 1998. – С 44.

Пригожину)»⁸. Это отличает российское общество от «стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой»⁹. Обозначенной внешней «раздробленности» социальной структуры сопутствует такая же «раздробленность» ценностных систем, шкал оценивания социальных позиций.

Такое состояние социальной структуры влечет за собой ограничение познавательной эффективности традиционных стратификационных моделей социальной структуры, широко распространенных в эмпирических исследованиях социальной мобильности, и стратификационных критериев при определении социальной позиции индивидов, поскольку формальное тождество характеристик социальной позиции в разные моменты времени не означает их реального тождества. В этой познавательной ситуации продуктивно не-стратификационное понимание социальной позиции П. Штомпки как сложной взаимосвязанной целостности а) социальной роли (набора норм и ценностей, свойственного данной социальной позиции); б) позиционной ментальности (специфической совокупности взглядов, убеждений, мыслительных навыков и стереотипов); в) интеракционных опций (своеобразной связки каналов, путей взаимодействий); г) социального статуса (объема доступных благ, средств и ценностей, пользующихся общественным признанием). Подход Штомпки позволяет интерпретировать социальную мобильность не только как повышение/понижение позиции индивида на некой шкале, но и как изменение набора осуществляемых им практик. В данном исследовании масштабы мобильности измеряются как количество осуществлявших/не осуществлявших следующие практики: совместительство, открытие собственного дела, смена места работы, смена профессии, получение образования по новой профессии.

Вопрос об определении направлений перемещения решается через возврат в рамки стратификационной теории и выделение такого критерия изменения социальной позиции, как «изменение степени индивидуальной свободы в постсоветский период по сравнению с советским (70-80-ми гг.) в субъективном восприятии респондента». Выбор данного критерия обусловлен его эффективностью применительно к любому социальному контексту.

Параграф второй «Уровни и направления социальной мобильности населения Самарской области: опыт эмпирического исследования» содержит результаты эмпирического исследования социальной мобильности в Самарской области в постсоветский период на макроуровне. Задачи, выполненные в рамках макроанализа мобильности, сформулированные в общем виде, тождественны «классическим» задачам стратификационных

⁸ Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова - М. КАНОН-Пресс-Ц, 2001 - С. 12

⁹ Там же. С. 12.

исследований социальной мобильности и состояли в следующем: 1) определение масштабов социальной мобильности/иммобильности (доли населения, изменившего/не изменившего социальную позицию) населения Самарской области, 2) определение соотношения нисходящего и восходящего «потоков» мобильности населения Самарской области.

В целом население Самарской области было весьма активным в реализации практик социальной мобильности – уровень ее составил 93,2 %, при этом показатели динамики индивидуальной свободы следующие – 13,8 % респондентов ощущают сокращение своей свободы сейчас по сравнению с советским периодом, и только 8,7 % – увеличение свободы. Таким образом, можно заключить, что высокая степень мобильности (понимаемой как осуществление практик) была продиктована в большей степени не открывшимися в постсоветский период возможностями достижения недоступных ранее целей, реализации «запрещенных» ранее форм активности, а, наоборот, возрастанием «жесткости» социального контекста, ужесточением условий выживания и достижения благополучия, что повлекло необходимость предпринимать дополнительные действия.

В группах по полу уровень реализации практик социальной мобильности мужчинами заметно превышает соответствующий показатель у женщин (103,0 % и 85,0%), при этом среди мужчин немного больше тех, чья степень свободы по сравнению с советским периодом возросла (таких 8,8 % среди мужчин и 8,5 % среди женщин), и в 1,4 раза меньше тех, чья степень свободы уменьшилась (соответственно, таких 11,4 % среди мужчин и 15,7 % среди женщин).

В группах по возрасту уровень реализации практик социальной мобильности снижается по мере увеличения возраста респондентов (группа молодежи (18 – 29 лет) – 124,7%, группа верхнего среднего возраста – 30-44-летних – 119,9 %, группа среднего и предпенсионного возраста (45-59-летних) – 97,9 %, группа пожилых и престарелых (старше 60 лет) – 24,6 %). И с увеличением возраста увеличивается доля тех, кто ощущает себя сегодня менее свободным, чем до начала реформ. Однако обращает на себя внимание почти одинаковые доли тех, кто стал менее свободным, в группах среднего и предпенсионного возраста (45 – 59-лет) – 20,4 % – и пожилых и престарелых (старше 60 лет) – 20,7 % – при значительно меньшей доле (15,3 %) таковых в более молодой группе (30 – 44 гг.). На наш взгляд, это обусловлено тем, что наиболее активный возраст последней пришелся именно на период реформ, что было благоприятным условием для успешного «включения» в новую ситуацию. Что касается долей респондентов, чувствующих себя более свободными, чем в советский период, то они таковы: 10,7 % (верхний средний возраст), 12,2 % (средний и предпенсионный возраст) и 10,2 % (пожилые и престарелые). Здесь также примечателен «перевес» второй из рассматриваемых возрастной группы, и мы объясняем

его тем, что время начала реформ пришлось в этой группе на возраст социальной зрелости и высокой активности, это – та группа, которая, с одной стороны, в тот момент уже обладала определенными ресурсами («заработанными» в советский период), а с другой стороны, была достаточно активна, чтобы эффективно ими воспользоваться во вновь возникшей ситуации.

В группах по образованию наблюдается следующая тенденция: с повышением уровня образования повышается уровень социальной мобильности как реализации соответствующих практик (в группе респондентов с высшим образованием он составляет 122,6 %, с незаконченным высшим – 120,0 %, со средне-специальным и среднетехническим образованием – 94,3 %, со средним – 71,4 %, со средним – 24,0 %). При этом самая высокая доля респондентов, ощущающих сокращение своей свободы обнаруживается именно в группе респондентов с высшим образованием (17,6 %). Немного ниже – доля ощущающих сокращение свободы – в противоположной группе – с незаконченным средним образованием. Такие показатели являются, по-видимому, следствием специфических социальных условий, в которых находились до реформ и находятся сейчас представители этих двух групп. Если респонденты с высшим образованием в изменившихся условиях утратили значительную часть своих прежних преимуществ, связанных с высоким уровнем образования, сохранив, однако, потенциал профессиональной и социальной компетентности, способной помочь им «поправить» их социальную позицию, то респонденты с низким уровнем образования не имели такой возможности, и, кроме того, оказались лишенными государственной поддержки – в системе занятости и др.

Группы, выделенные по типу населенного пункта, характеризуются следующими уровнями мобильности: наибольший уровень мобильности (128,4 %) наблюдается в г. Тольятти, второй по величине – относится к населению г. Самары, областного центра (97,8 %), третий – крупным и средним городам – 90,9 %, четвертый – малым городам – 65,6. Наконец, самый низкий уровень реализации практик социальной мобильности наблюдается в сельских районах – 57,0 %. Что касается уровней динамики свободы, то самый «мобильный» Тольятти характеризуется одновременно наименьшей из всех групп долей респондентов с позитивной динамикой свободы, и наибольшей – с негативной. В то же время, наименее «мобильные» сельские районы «лидируют» по величине доли населения, чья свобода возросла, и там же наблюдается самая малая доля населения, чья свобода сократилась. Таким образом, следует сделать вывод, что связь типа населенного пункта, где проживания респондент, и направления и уровня изменения свободы – не обусловлена размерами населенного пункта. Скорее, здесь имеет значение целостный комплекс социально-экономических, социокультурных и других условий.

Наконец, анализ уровня реализации практик и динамики свободы в группах по уровню возможностей удовлетворения потребностей показал, что уровень реализации практик возрастает вместе с возрастанием уровня возможностей (соответственно, 49,5 %, 83,3 %, 93,4 % и 129,3 %). При этом нельзя сказать, что с возрастанием уровня возможностей возрастает доля ставших сегодня более свободными, чем в дореформенный период – показатели доли ставших более свободными следующие: 10,9 %, 5,9 %, 9,8 %, 9,1 %. Однако можно констатировать уменьшение доли ставших менее свободными – с увеличением уровня возможностей (соответственно, 23,8 %, 17,1 %, 11,3 %, 11,0 %.). Таким образом, можно говорить о том, что с повышением возможностей приобретения материальных благ в группах снижается доля ставших менее свободными. Высокий же уровень тех, чья степень свободы возросла по сравнению с советским периодом, в группе с самыми низким возможностями, требует дополнительного исследования для интерпретации.

Таким образом, можно зафиксировать прямую взаимосвязь между уровнями реализации практик социальной мобильности и направлением динамики свободы (в ее субъективном измерении) в группах по полу, по возрасту и по уровню возможностей удовлетворения потребностей («параллельно» возрастают/убывают уровни реализации практик социальной мобильности и возрастание свободы/сокращение несвободы). Что касается групп по образованию и типу населенного пункта проживания, то применительно к ним по результатам нашего исследования трудно говорить о единой тенденции.

В параграфе третьем **«Стратегии социальной мобильности бывших советских инженеров в современном социальном пространстве»** представлены результаты качественного исследования стратегий социальной мобильности как целостных систем практик, реализуемых представителями социальной группы бывших советских инженеров – выпускников технических ВУЗов конца 70-х – начала 80-х гг. «Отправной точкой» при выделении стратегий являлся для нас способ взаимодействия агента со структурным контекстом – социальным пространством (пространством социальных позиций) постсоветской России.

В результате исследования были выделены следующие виды стратегий социальной мобильности бывших советских инженеров: активистская, достижительная и стабилизационная. *Активистская* стратегия социальной мобильности – стратегия, доминантой носителей которой выступает ориентация на активную реализацию в социальном пространстве себя как социальной личности, направленность на действие, активность, новаторство, социальное творчество, динамику, освоение новых социальных позиций, новых образцов действия, независимость. Траектория социальной мобильности представителей данной группы представляет собой постоянное ос-

воение новых форм социальной практики, что выражено как в высказываемых ими мотивах их деятельности, так и в особенностях их деятельности. Символически данная стратегия может быть изображена как ломаная «цепочка» векторов в горизонтальной плоскости. Применительно к «активистам» можно говорить о мобильности как личностной характеристике и терминальной ценности: приращение знаний, самореализация, осуществление себя в профессиональной и других сферах, стремление к новому – наиболее «говорящие» характеристики этой группы. Мотивами социального действия, связанного с конструированием позиции, у активистов выступает личный интерес к делу, которое является содержанием деятельности – и профессиональной, и не связанной с профессией. Активисты индивидуалистичны, независимы и самодостаточны: для них при принятии решений определяющим является их собственное представление о должном, правильном. Нынешние социальные позиции «активистов» таковы: большая часть их занимает руководящие должности в различных организациях, в том числе являются руководителями-собственниками небольших фирм (соответственно, свои доходы они характеризуют как «нормальные»).

Стратегия *достижительная* ориентирует своих носителей прежде всего на достижение «высокого статуса», причем статуса в рамках признаваемых, «надежных» социальных «лестниц», а значит, статуса общепризнанного – фактически мы говорим об ориентированности на приобретение символического капитала (в терминологии П. Бурдьё). По смыслу достижение «высокого статуса» для этой группы приближается к понятию превосходства, и реализуется через занятие руководящих должностей. Для носителей данного вида стратегии траектория социальной мобильности осуществляется (в идеальном случае) как постепенный «подъем наверх»; символическое изображение данной стратегии – цепочка векторов, расположенных на одной прямой, направленных вверх (в вертикальной плоскости). Главным мотивом носителей данной стратегии, таким образом, является стремление быть лучшим, первым в определенной сфере общественной жизни, быть руководителем («над» другими), причем позиция лучшего должна быть общественно признаваемой.

Стабилизационная стратегия характеризуется ориентированностью носителей на достижение некой устойчивой социальной позиции и отсутствие мобильности – мобильности «вниз», т. е. «ухудшения» (с их точки зрения) их социального положения, в отличие от представителей первых двух видов стратегий, чьи ориентации на мобильность как желательные для них изменения социальной позиции, а не ее отсутствие, достаточно очевидны. Символическим изображением формы мобильности (вернее, иммобильности) акторов-носителей стабилизационной стратегии будет точка. Специфической характеристикой данной стратегии является фокусирование интересов ее носителей на приватной сфере (что резко отличает ее от двух предыдущих, явно ориентированных на реализацию себя в публичном

пространстве). Здесь имеет место даже некоторая «изолированность» от общества, которая прослеживается на протяжении всей жизненной траектории информантов, низкая вовлеченность в общественную деятельность, жизнь в приватном пространстве. Семья и ее благополучие – в центре интересов «стабилизаторов». Действия «стабилизаторов» направлены скорее на то, чтобы «защититься» от внешнего (социального) мира, чем на то, чтобы изменить их или воспользоваться ими. Можно сказать, что социальный мир как таковой – это некоторая трудность, которую носитель данной стратегии постоянно преодолевает в своей повседневной жизни и с которым он не хочет «соглашаться». Это – принципиальный момент отличия данной стратегии от достижительной и активистской, которые основаны на принятии существующего социального контекста как условия своего осуществления. Данная стратегия ориентирована на стабилизацию жизни ее обладателя, на то, чтобы «не потерять», ориентирована не на верхнюю, а на нижнюю «планку» и ориентируется на более «скромные» стандарты реализации различного рода практик (потребительских, карьерных и др.) по сравнению с «достижателями» и с «активистами».

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, излагаются основные выводы, указываются перспективы дальнейшего изучения разрабатываемой диссертантом проблемной области.

Результаты диссертационной работы отражены в публикациях автора:

1. Некоторые проблемы исследования социальной мобильности в современном российском обществе//Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. Российское общество и социология в XX веке: социальные вызовы и альтернативы. В 3 т. Т. 3. М., 2003. 0,1 п. л.
2. Методологические проблемы и подходы к анализу социальной мобильности//Вестник Самарского университета. Гуманитарный выпуск. 2003, № 3. 0,6 п. л.
3. Стратегии социально-трудовой мобильности занятого населения г. Самара в постсоветский период//Научные чтения в Самарском филиале Университета РАО. Сборник научных трудов. В 3-х ч. Ч. 1. М., Изд-во УРАО, 2003. 0,5 п. л.
4. Профессиональное образование как канал социальной мобильности// Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Самара, 2004. 0,3 п. л.
5. Понятие «стратегия» как инструмент анализа в рамках деятельностного подхода к исследованию социальных процессов//Контексты социального знания. Межкафедральный сборник научных статей. К 15-летию социологического факультета Самарского государственного университета. Самара, Универс-Групп, 2004. 0,5 п. л.

Подписано к печати 12.05 05.
Печ. л. 1,3. Формат 60×84 1/16.
Печать – ризография. Бумага для множительных аппаратов.
Тираж 100 экз. Заказ № 571

ПГУПС 1900031, С.-Петербург,
Московский пр., 9.

106 02

РНБ Русский фонд

2006-4

7671